

DOI: 10.21672/1818-4936-2020-74-2-132-138

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ВРЕМЯ В ЛИРИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ ПЕТРА КОМАРОВА «ЗОЛОТАЯ ПРОСЕКА»

Александрова-Осокина Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Тихоокеанский государственный университет, 680000, Россия, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68, e-mail: osokina-11@mail.ru.

Хуан Цзянь, аспирант, Тихоокеанский государственный университет, 680000, Россия, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68, e-mail: 58waiter@163.com.

Статья посвящена изучению творчества П.С. Комарова (1911–1949), самобытного дальневосточного поэта, удостоенного высокой государственной награды (Сталинской премии третьей степени, 1950). Предметом исследования стало содержательное, художественное и ценностное начало цикла «Золотая просека», включающего семнадцать стихотворений, написанных в 1938–1941 гг. Цикл видится репрезентативным для характеристики всего творчества Комарова. Исследование вносит вклад в изучение литературы Дальнего Востока и дополняет картину развития такого явления, как советская литература.

Актуальность исследования обусловлена интересом к литературной регионалистике. Стихотворения цикла рассматриваются как художественное единство, отражающее мировосприятие поэта. Выявлено, что образ лирического героя Комарова типичен для советской лирики: это герой-преобразователь, строитель нового мира. Вместе с тем, герой является носителем общечеловеческих нравственных качеств: чувство товарищества, патриотизм, служение великой цели (Родина, наука, просвещение). Показано, что для художественного мира Комарова характерен тип лирического героя, причастного природному, историческому и социальному миру; подчёркивается единство человека и природного пространства; рассматривается типология лирических персонажей в стихотворениях цикла. В результате анализа выявлены художественные средства, позволяющие создать образ человека в системе его природных и общественных связей: выделены метафоры, олицетворения, использование топографии как элемента хронотопа, значимость образно-мотивного комплекса «природа-сад».

Ключевые слова: Пётр Степанович Комаров, литературная регионалистика, лирика, соцреализм, цикл, лирический герой, образно-мотивный комплекс

THE MAN AND HIS TIME IN THE LYRICAL CYCLE OF PETER KOMAROV «THE GOLDEN CLEARING»

Alexandrova-Osokina Olga N., Candidate of Philological Sciences, Professor, Pacific National University, 680000, Russia, Khabarovsk, 68 K. Marx st., e-mail: osokina-11@mail.ru.

Huang Jian, postgraduate student, Pacific National University, 680000, Russia, Khabarovsk, 68 K. Marx st., e-mail: 58waiter@163.com.

The article is devoted to the study of the oeuvre of P.S. Komarov (1911-1949), an original Far Eastern poet of the 30-40s of the 20th century, whose poetry was awarded a high state award (The Stalin's award, 1950). The subject of the study was the substantial, artistic and valuable beginning of the cycle «Golden CLEARING », which includes seventeen poems written in 1938–1941s. The cycle is representative of the character of Komarov's oeuvre. The study contributes to the study of literature of the Far East and supplements the picture of the development of such a phenomenon as «the soviet literature». The relevance of the study is due

to interest in literary regional studies. The poems of the cycle are considered as an artistic unity, reflecting the poet's worldview. It is revealed that the image of the lyrical hero Komarov is typical of Soviet poetry, it is the builder of « the new world». At the same time, the hero is a bearer of universal moral qualities: a sense of camaraderie, patriotism, serving a great goal (homeland, science, enlightenment). The article shows that in the artistic world of Komarov, the lyrical hero is inextricably linked with nature; traces the typology of lyrical characters in the verses of the cycle. As a result of the analysis, artistic means were revealed that made it possible to create an image of a person in the system of his natural and social connections: the metaphors, the personifications, the use of topography as an element of the chronotope.

Keywords: P.S. Komarov, the literary regional studies, the lyrics, the socialist realism, the cycle, the lyrical hero

Сегодня творчество яркого дальневосточного поэта Петра Степановича Комарова (1911–1949) неизвестно за пределами региона, да и дальневосточники припомнят лишь несколько стихотворений, входящих в школьные хрестоматии по дальневосточной литературе. В середине XX в. имя поэта звучало не только на Дальнем Востоке, но и по всей стране. Поэт был удостоен высшей государственной награды – Сталинской премии третьей степени (присуждена посмертно в 1950 г.). В середине – второй половине XX в. поэтические сборники Комарова печатаются на Дальнем Востоке и в российской печати, о поэте пишет литературная критика Хабаровска, Сибири, Москвы. В литературно-критических работах были сделаны интересные наблюдения, которые могли бы составить основу серьёзного литературоведческого исследования, однако к систематическому научному изучению поэзии Комарова литературоведы так и не обратились, и к концу XX – началу XXI в. имя поэта оказалось в кругу «забытых».

Авторы настоящей статьи выступают «первопроходцами», закладывая основы систематического научного изучения творчества П.С. Комарова.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения истории русской литературы XX в. с учётом процессов, происходящих и в регионах. Сейчас, когда, говоря словами современного исследователя, «советская эпоха завершилась, и пришло время её концептуализации» [4, с. 9], изучение творчества провинциальных писателей советского времени даёт возможность дополнить картину историко-литературного процесса XX в., внести вклад в переоценку такого масштабного явления культуры XX века, как соцреализм.

Материалом исследования стали стихи П.С. Комарова конца 1938–1940 годов, опубликованные в подборке «Золотая просека», получившей название от одноименного стихотворения и представленной в двух прижизненных изданиях лирики Комарова: книге с одноимённым названием [5] и сборнике «Стихотворения» [7]. Состав стихотворений, объединённых в подборки «Золотая просека» в изданиях 1945 и 1947 гг., совпадает частично, однако внимание поэта именно к этому названию, отсылающему к одноимённому стихотворению, и наличие общих стихов позволяют предположить, что поэт, объединяя стихи в подборку «Золотая просека», следовал определённому идейно-художественному замыслу. Этот посыл был подхвачен в сборнике стихотворений Комарова «Избранное» (1992) [6], где также был выделен раздел «Золотая просека», включающий стихотворения из одноимённых разделов книг 1945 и 1947 гг.

Таким образом, выделяется общая группа стихотворений из семнадцати текстов³, первая публикация которых пришлась на 1938–1940-е гг. Анализ этих стихотворений как единого художественного целого позволяет увидеть в подборке свойства цикла, понимая под циклом «совокупность взаимосвязанных между собой стихотворений, которая была способна воплотить целостный взгляд на мир, <...>выразить художественную волю автора» [2, с. 7].

Ключевым для понимания поэтической модели мира в цикле «Золотая просека» видится одноимённое стихотворение, датированное 1941 годом. Образ просеки в осеннем берёзовом лесу (отсюда – эпитет «золотой») становится в стихотворении метафорой человеческой жизни («дорогой жизни», «судьбой»): *«И просекой казалась для меня / Всей нашей жизни первая дорога»; «А жизнь велит: иди / Иди и не сворачивай с дороги»* [6, с. 80–81]. Образ времени в стихотворении охватывает прошлое (детство как начало жизненного пути), настоящее и будущее. Они не разделены, выступают как одно целое; прошлое присутствует в настоящем и становится основой для предсказания будущего: *«Мне кажется, почти ещё вчера / Сюда моё заглядывало детство»; «Как будто все по-прежнему в лесу», «И сразу детство слышится во всём»*. Великая Отечественная война – переломное событие в жизни каждого советского человека – получает в стихотворении перифрастическое обозначение: *«пришёл июнь <...> на лютики упала не роса – / Упали капли человеческой крови»* [6, с. 80–81].

В контексте стихотворения символическое содержание ощущается и в пейзажных образах: картины осеннего леса («тишина», «осенней паутины паволока», «берёзы в позолоте», «кукушка») воспринимаются как знаки человеческой жизни, судьбы. Мир природы не закрыт от человека, но находится с ним в диалоге, «приглядывает» за человеком, «напутствует его»: *«просека, зовущая далёко», «кукушка прокричит тебе вослед / разгадывать судьбу твою захочет», «деревья пересказывают мне / забытые лесные небылицы», «я полжизни прожил и теперь, / прислушиваясь к птицам на опушке <...>»* [6, с. 80–81] и т.д.

В созданной Комаровым поэтической картине мира человек сопричастен природному и историческому целому; именно в идее причастности человека природному миру берёт истоки и философский оптимизм, заложенный в стихотворении: *«А жизнь велит: иди / Иди и не сворачивай с дороги, / И что бы ни случилось впереди – / Увидишь солнце на своем пороге»* [6, с. 81]. Кольцевая композиция стихотворения, при которой почти дословно повторяются первая и последняя строфы («Здесь будет всё: небес голубизна, / Осенней паутины паволока, / Берёзы в золоте, лесная тишина / И просека, зовущая далёко» [6, с. 81]), усиливает ощущение завершённости и предопределённости жизненного круга.

Лирический сюжет стихотворения «Золотая просека» приобретает символический характер, очерчивая «маршрут» мировоззренческого становления человека. От ощущения цельности и гармоничности мира в детстве человек (лирический герой) движется к скепсису в зрелом возрасте («не видел я, как лютики цвели / и не искал на просеке фиалок») и далее вновь к обретению чувства сопричастности и веры в разум Бытия (всё зло мира «смоет дождь», и человек вновь откроет для себя в мире солнце, небо и просеку, «зовущую далёко»).

³Список стихотворений 1938-1940 гг., входящих в цикл «Золотая просека» (1945, 1947, 1992 гг.), с указанием даты первой публикации: «Лувен» (1938), «Ботаник» (1938), «Зея» (1938), «Дальний берег» (1939), «Лесник» (1939), «Начало города» (1939), «Хехцир» (1939), «Озеро Ханка» (1939), «Ледоход на Уссури» (1939), «В лесной стороне» (1939), «Шалаш в тайге» (1940), «Хинганский родник» (1940), «Баллада о зверолове» (1940), «Зима в Эвенкии» (1940), «Геологи на привале» (1940), «Эвенкийский мотив» (1940), «Мечта» (1940); «Золотая просека» (1940).

Стихотворение «Золотая просека» является ключом не только к пониманию рассматриваемого цикла, но и вообще к лирике Комарова: ценностное начало его поэзии строится на понимании человека как центра потока времени и пространства. Лирический герой Комарова – это человек, «пропускающий через себя» свою эпоху, историческую память, ощущающий неразрывную связь с природным и человеческим миром. Художественными категориями в лирике П.С. Комарова являются «человек», «природа», «время», «преобразование мира».

Значимыми единицами мира для лирического героя Комарова являются семья, дом, отец, детство. Эти темы затрагиваются в стихотворениях «В лесной стороне», «Мечта», «Золотая просека». В стихотворении «В лесной стороне» показано, что в детстве закладываются начала жизни, чувство сопричастности миру и ценностные основы мировоззрения. Природные детали становятся не просто приметам пейзажа, но обозначают сферу природного мира, частью которой является человек: *«Наш дом стоял один среди лесов. / <...> / Здесь я провел мальчишеские дни / Ходил по марям пьяной голубицы, <...> / И много лет не зарастала тропка, / Где мы с отцом бродили неторопоко»* [6, с. 69–70].

Ценностное начало лирики Комарова строится именно на чувстве единства человека и мира, и это качество сближает поэта с классической традицией русской словесности (с фольклором, произведениями классической литературы XIX–XX вв.).

В цикле выделяются стихотворения с двумя типами лирических персонажей: в одних лирический герой является носителем автобиографического начала («Золотая просека», «В лесной стороне»), в других важна роль «лирического персонажа». «Лирические роли» в стихотворениях различны: в стихотворениях «Лувен», «Эвенкийский мотив», «Баллада о зверолове» это человек, неразрывно связанный с миром природы, амурский абориген. В стихотворении «Лувен» лирическим персонажем является литературный персонаж (это герой повести Пришвина «Женьшень»). Имя становится нарицательным, актуализируя архетипическое содержание образа – человек, слившийся с природой.

В стихотворениях «Начало города», «Озеро Ханка», «Шалаш в тайге», «Геологи на привале», «Мечта», «Лесник», «Ботаник» лирическим персонажем оказывается современник, осваивающий природный и социальный мир. В стихотворениях «Хехцир», «Зея», «Хинганский родник» выстраивается диалог лирического героя с памятью Приамурья, персонифицированной в природных «объектах» – Хехцир, Хинган, р. Зея, а значимым персонажем мыслимого разговора выступает «первопроходец».

Особенностью лирического героя является его неразрывная связь с природным, социальным и историческим миром. Можно говорить об «эпическом» характере лирического героя Комарова: он носитель народного сознания; вместе с тем герой открыт современности и истории, природе и социуму.

Формой воссоздания целостности природного и человеческого мира в стихотворениях выступает олицетворение, посредством которого автор передаёт идею связи человека с природой: леса поют герою «лебединую песню» («Лувен»), травы приглашают к разговору («Ботаник»), рассказы реки герой «слушал допоздна» («Зея»); долины встречают «криком журавлиным» («Дальний берег»), Хехцир передает свои слова через голос реки («Хехцир») и т.д.

В формировании картины природно-исторической целостности значимым приёмом у Комарова становится поэтическая топография. В пространстве поэтического текста топонимы актуализируют историко-культурное значение, содержащееся в их семантике, и служат не для обозначения пространственных явлений, но для формирования хронотопа, соединяя пространство с исторической памятью [см., в частности, об этом: 3, с. 10].

В цикле «Золотая просека» топонимы способствуют созданию историко-культурной и природной картины, очерчивают границы хронотопа, подчёркивают

этнокультурный колорит Дальнего Востока. Названия ряда стихотворений уже задают поэтическую картографию: «Ледоход на Уссури», «Зима в Эвенкии», «Хинганский родник», «Зея». Поэтический хронотоп формируют ойконимы (названия населённых пунктов и территорий): Комсомольск, Советская Гавань, Эвенкия; гидронимы: Зея, озеро Ханка, Уссури; оронимы (названия возвышенностей): Хехцир, Хинган.

Топонимика характеризует специфику мироотношения героя, подчёркивая его слияние с миром. «Тебя я вижу, мой Хинган, / И лес, и горы, и туман. / Там среди зарослей густых, / Звенит без устали родник» («Хинганский родник»), «Я вышел на берег Уссури, / где с таволгой шепчется клен» («Ледоход на Уссури»). Топонимика формирует исторический колорит хронотопа стихотворений, как бы подтверждающая слова критика XIX в. Н.И. Надеждина о том, что географическая карта является «первой страницей истории» [8, с. 27]. В пейзажах открываются события истории: «Не из царства ли Бохя, / В Новый век устремлена, / Белой гривой полыхая, По камням бежит она?» («Зея») [6, с. 59]; Хехцир в одноименном стихотворении предстаёт в образе великана, хранящего тайну «могильных холмов». Так, топонимика нагружает пейзаж мифопоэтическим содержанием. Поэтическая топография служит созданию картины единства человека с течением природного и исторического времени: топоним несёт память о преобразовании пространства деятельностью человека, человек выступает как творец истории и времени.

Включение топонимов в хронотоп несёт не только информативное, историко-культурное содержание, но нравственно-этическое, «обнаруживает в ней точки личностного соприкосновения» [1, с. 85] лирического героя с исторической памятью.

Время – важнейшая категория в художественной системе Комарова – выступает необходимым условием организации мира в единое целое, обладает цикличностью и поступательностью: если первое качество определяется повторяемостью и круговоротом природного времени, то второе – естественным поступательным движением истории. Человек у Комарова, будучи частью природного и исторического бытия, причастен этой временной системе.

Человек постигает вечное движение природы и сам причастен ему: «твоя потеряются годы / В живом хороводе природы, / Где осень идёт за весной» («Ботаник») [6, с. 58]; сердцу лирического героя открывается круговорот времени: «Пусть наши годы быстро пролетели, / Лесных черёмух белые метели / Ещё не раз над нами прошумят» («В лесной стороне») [6, с. 70]; он способен понять загадку природы: «даль ясна, / И не однажды / Живёт и холод, и весна / В былинке каждой» («Зима в Эвенкии») [6, с. 74].

С образом поступательно развивающегося времени у Комарова связана идея цивилизации и прогресса. Будучи поэтом советской эпохи, Комаров, прибегая к поэтической риторике соцреализма, воспекает социально-исторические достижения своего времени: дорогу, «По которой в тайгу / Молодые идут города» («Лувен») [6, с. 57], человека, выращивающего зерно, которое «будет диковинкой века / Пшеницею в рост человека» («Ботаник») [6, с. 58]; желает, чтобы «цветла и молодела / Год от году наша сторона» («Дальний берег») [6, с. 61].

Достижения научной и технической мысли в поэтическом мире Комарова приобретают характер «чуда», творческого привнесения в природное (земное) начало одухотворяющей мысли, преодоления инертности материального начала. Так, в стихотворении «Мечта» поэтический рассказ о том, как герой осуществил свою мечту стать лётчиком, выходит за рамки конкретного эпизода, приобретает легендарно-мифопоэтический характер, рассказывая о вековой мечте человека подняться в небо: «Мечтал он в детстве: Вот и мне бы / Над тихой улицей моей / Лететь в безоблачное небо» [6, с. 80].

В поэтической концепции «человек, природа, история» у Комарова важен образно-мотивный комплекс «преображённая природа-сад». «И воспрянет

природа / Преображённая в сад <...> Выйдут жители в парк при заводе / им задумчивый тополь / Напомнит забытую быль» («Лувен») [6, с. 58]; *«Да белеют из тумана / Ветви яблонь у воды: / Это внуки атамана / здесь раскинули сады» («Зея»)* [6, с. 60].

Обращение к образу сада было типично для образности советской поэзии. В лирике сталинского периода метафора «сад» призвана была показать достижения советского строительства; героем эпохи был человек-созидатель, преобразующий природное пространство в «сад»; утверждалась «дирижёрская» миссия человека в природе, использовалась тема «защиты» родины-сада и т.д.; при этом воспевалась «не сакральная, духовная сущность сада, а его "материальность", отягощённость плодами, урожайность. <...> "чудесное" теперь являлось не проявлением мистического начала, а результатом человеческих усилий» [9, с. 26–27].

Во многих стихах Комарова «новый человек» не «завоеватель», не «покоритель» и «дирижёр» природы, но учёный, изыскатель, изучающий её тайны, ищущий у неё понимания. Он не «хозяин», но органичная часть природного пространства; не «берёт» у природы, но «отдаёт» ей свои знания и труд: *«Таинственным силам растенья / Ты отдал своё вдохновенье» («Ботаник»)* [6, с. 58]. Ведущий тип отношения человека и природы – сопричастность. Природа открывается тому, кто «умеет смотреть»: герой Комарова готов *«следить часами / за голубым сияньем льда» («Зима в Эвенкии»)* [6, с. 74]; способен различить *«какой тропой / Олень спешит на водопой» («Хинганский родник»)* [6, с. 71].

Традиционная для советской литературы 1930–1940-х гг. тема человека-преобразователя, человека-творца в поэзии Комарова приобретает особый акцент, подчёркивающий состояние любви и единения человека и природы и чувство братского единения между людьми.

Показательным в этом отношении видится стихотворение «Шалаш в тайге». В лирическом сюжете стихотворения обыгрывается охотничий обычай оставлять в лесу на стоянках необходимый минимум для обеспечения отдыха будущего путника. У Комарова эта традиция получает обобщающее символическое осмысление. Лесной обычай позаботиться о том, кто может прийти после тебя, видится поэту нравственным ориентиром в выстраивании отношений между людьми. В нравственно-поэтической системе ценностей поэта важно, что человек о другом, чужом, «подумал, как о друге»; оставленные для выживания другого предметы – «огниво и трут» – поэт символически переосмысливает как оставленное «своё тепло» [6, с. 70]. Чувство товарищества и взаимовыручки находит воплощение и в других стихотворениях Комарова, становясь ценностной мерой оценки человека и времени.

Тема любви в стихотворениях цикла реализуется в мотивах «ожидание» и «встреча» (обычно мимолётная), при этом герои «любовного эпизода» показаны в своих семейных или профессиональных «ролях». *«Даурская рыбка / поджидала рыбака» («Зея»)* [6, с. 59]; жена китайского охотника тоскует о своём пропавшем муже – *«На травах спит, / Не ест, не пьёт / И друга милого зовёт» («Баллада о зверолове»)* [6, с. 73]; эвенкийский зверолов тоскует о русской девушке – *«За русской девушкой любовь / И радость убежала» («Эвенкийский мотив»)* [6, с. 74]; лирический герой не может забыть о мимолетной встрече с девушкой-лесником – *«Путь вдвоём по тайге был недолог; / И стояла кругом тишина, / И колючки зелёных иголок / Нам с вершины бросала сосна» («Лесник»)*; красноармейцы вспоминают о встрече с девушкой – *«А после – украдкой скучали, / Что не было встречи второй. / Когда-то, такая простая, она улыбалась им тут. / А льдины плывут и растают, и память о ней унесут» («Ледоход на Уссури»)* [6, с. 64].

Любовь в поэтическом мире цикла «Золотая просека» вписана в общее течение жизни, является не сугубо «интимным» чувством, но одним из проявлений социальных ролей человека, хотя и относится к области его личного

(«сердечного») сокровенного пространства. Такое изображение любовных отношений типично для советского искусства, которому был присущ аскетизм в передаче чувства, обязателен социальный фон, показывающий роль героя в обществе, распространено обращение к фольклорным традициям.

Цикл «Золотая просека» можно рассматривать как концептуальное идейно-художественное единство, выражающее целостное, ценностно окрашенное восприятие мира и места человека в нём. Лирический герой Комарова – это человек нового мира, ощущающий свою причастность ко всем процессам, происходящим в стране, чувствующий единство с людьми и природой. В этом качестве поэзия Комарова вписывалась в контекст искусства 30-х гг., соответствовала его духу. Изучение особенностей художественного мировоззрения и поэтики Комарова позволяет дополнить представление о специфике отечественного литературного процесса 1930-х гг.

Список литературы

1. Александрова-Осокина О. Н. Поэтическая топография Приамурья в поэзии Петра Комарова / О. Н. Александрова-Осокина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 4. – С. 82–90.
2. Белоусова О. О. Поэтика цикла и книги в современном литературоведении / О. О. Белоусова, О. А. Дашевская // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 6–14.
3. Вартанова О. А. Англоязычные топонимы и их стилистический потенциал в поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. А. Вартанова. – СПб., 1994. – 16 с.
4. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 792 с.
5. Комаров П. С. Золотая просека: стихи / П. С. Комаров. – М. – Л. : Советский писатель, 1945. – 68 с.
6. Комаров П. С. Избранное / П. С. Комаров. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1992. – 256 с.
7. Комаров П. С. Стихотворения: [с биограф. справкой] / П. С. Комаров. – Хабаровск : Дальгиз, 1947. – 288 с.
8. Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира / Н. И. Надеждин // Библиотека для чтения. – 1837. – Т. 22. Отд. III. – С. 27–70.
9. Разумовская А. Г. Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / А. Г. Разумовская. – СПб., 2010. – 35 с.

References

1. Aleksandrova-Osokina O. N. Poeticheskaya topografiya Priamur'ya v poezii Petra Komarova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya, 2019, № 4, pp. 82–90.
2. Belousova O. O., Dashevskaya O. A. Poetika cikla i knigi v sovremennom literaturovedenii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, № 389, pp. 6–14.
3. Vartanova O. A. Angloyazychnye toponimy i ih stilisticheskij potencial v poezii. Sankt-Peterburg, 1994. 16 p.
4. Istoriya russkoj literaturnoj kritiki: sovetskaya i postsovetskaya epohi / ed. E. Dobrenko, G. Tihanov. M.: Novoe lit. obozrenie, 2011. 792 p.
5. Komarov P. S. Zolotaya proseka: stihy. M. – L.: Sovet. pisatel', 1945. 68 p.
6. Komarov P. S. Izbrannoe. Khabarovsk: Kn. izd-vo, 1992. 256 p.
7. Komarov P. S. Stihotvoreniya. Khabarovsk: Dal'giz Publ., 1947. 288 p.
8. Nadezhdin N. I. Opyt istoricheskoy geografii russkogo mira // Biblioteka dlya chteniya 1837, Vol. 22. Otd. III, pp. 27–70.
9. Razumovskaya A. G. Sad v russkoj poezii XX veka: fenomen kul'turnoj pamyati. SPb, 2010. 35 p.